

Чики-брики

Русские во Франции редко сбиваются в стаи. Им на родине надоело летать косяком – только вперёд и не глядя по сторонам, подчиняясь крику мудрого вожака. Но зоологический рок тяготеет над всеми видами. Русские ищут русских.

Заводят стремительные знакомства, тут же обильно их сдабривают и, распахнув душу настежь, с треском её захлопывают. Случайно встретившись снова, могут не поздороваться, а то и шепнуть про вас что-то свинское третьему лицу, третье – четвёртому, пятому и так далее, как в игре в «испорченный телефон». То, что информация, рано или поздно, сделает круг и вернётся к источнику, тем самым обнаружив его, их мало волнует. Стреляться уже не в моде, а несмертельное можно пережить, слава богу, всякого натерпелись, народ закалённый.

Я не охотница до новых знакомств. Живу сурово, мне дорога каждая минута. И потом, никогда не знаешь, какой подарок тебе преподнесёт судьба. Развернёшь хрустящий пакет, перевязанный алой лентой, а там дохлая крыса или какой-нибудь «невменяемый» набоковский канделябр. Считай, что повезло, если обыкновенная дрянь, не так обременительно отдариваться. Ну, послушаешь, угостишь, дашь взаймы чемодан. Вернут – спасибо, а нет, так нет – не чемоданом единым.

Поэтому, когда молодой человек, мой сокурсник, верней, сослушатель курсов французского языка, подошёл ко мне и заговорил по-русски, я не испытала ни радостного удивления (по крайней мере, тридцать миллионов говорят на моём языке, никаких удивлений не хватит), ни досадного любопытства.

Сказал он примерно следующее:

- Я узнал, что вы пишете. Это очень хорошо.

Узнавание предполагает некоторые целенаправленные усилия. Интерес а какого ради? Правда, на то и риторические фигуры, чтобы ими пользоваться недолго думая. Ничем не умней «до моего сведения дошло» или «говорят». Что хорошего в том, чтобы заниматься своим делом, я тоже не стала спрашивать. Похвалили и ладно.

- А я историк.

Мы познакомились. Пескарёв, как звали историка, окончил Ленинградский университет, защитился по теме «колхозов» и, не найдя себе лучшего применения, женился на француженке, изучавшей русский язык. Так началась его «эмиграция» и связанные с ней мытарства. Работы по специальности не нашёл, перебивается уроками русского языка, но жизнью доволен, весьма доволен, и сын растёт, и Франция – замечательная страна.

Он почему-то нервничал, и я ждала какой-нибудь маленькой просьбы или большого откровения. Так и вышло.

- Я, видите ли, пишу стихи, - наконец, разрешился он. – Мне бы хотелось их вам показать. Как профессионалу, конечно.

Русская вежливость подчас принимает причудливые формы.

Я ответила, что живу там-то, и в такое-то время могла бы его принять. Конечно, как профессионал. И муж и дочки обожают гостей, система налажена. Мы поулыбались.

Он пришёл с опозданием и, не извинившись, заговорил о погоде (так называю любой дурной разговор). Выяснив, кто я, откуда, давно ли и зачем, протянул мне несколько смятых листков со стихами, отпечатанными на машинке с западающей «р».

- Пусть это останется между нами, - сказал он, покраснев. – Мне было бы неприятно, если бы моя жена узнала об этих стихах.

Сначала он, теперь его жена. Чета Пескарёвых прямо-таки одержима жаждой знаний.

- Но я не знакома с ней.

- Мир тесен, - сказал он с таким видом, словно был автором этой крылатой фразы. – Дело в том... как бы это... стихи посвящены... другой женщине.

Какая мне разница, чуть не вырвалось у меня, мы уже потеряли сорок минут, а мне ещё чаем вас поить, разбирать ваши грассирующие страдания. Короче, пошла на кухню за угощением.

Пока он прихлёбывал и похрустывал, пробежала стихи. Как и думала, они были вялыми, гладкими, не ушибленными печатью таланта. Дала несколько «узких» советов, кое-что выправила. Мы ещё немного поговорили о том, о сём и, разумеется, о светлом будущем, без которого невозможен ни один русский разговор. На прощание он предложил созвониться и условиться о встрече, у них или у нас.

Через неделю мы принимали Пескарёвых за столом, уставленным русской сдобой, и выслушивали истории их рождений, учёб и женитьб.

М-me Peskarev оказалась довольно славной. Чуть грубоватой, но искренней и неглупой. Она преподавала русский язык в лицее, работа ей нравилась, и это было приятно. По-русски говорила свободно, почти без акцента, щеголяя словечками, придающими особую живость нашей речи. Где она их почерпнула, другой вопрос. Вероятно, из любви к фольклору и спросила, что такое “чики-брики”.

- Да ничего, - раздражённо прервал её Пескарёв, - я же тебе говорил.

- Это из детской считалки, - упрямо продолжала она. – “Чики-брики - ты куда? – Чики-брики – на базар...”

- Я помню, - перебила и я. – Действительно, ничего не означает. У нас много приговорок вроде тили-тили, трали-вали. И не только у нас, а везде, где есть дети.

- У вас их слишком много, - не уступала гостя. – Не детей, конечно, а всякой дребедни.

- Дребедени, - поправил Пескарёв.

Дальше они препирались без нашего участия и чувствовалось, что это уже не привычка, а характер их отношений.

Они пробыли у нас до позднего вечера. Мы, кажется, даже пели. Если бы расшалившийся инфант Пескарёв не раскокал вьетнамскую статуэтку из сандалового дерева, подарок старого друга, и не стёр магнитофонную запись концерта нашей младшей дочери, то можно считать, что воскресный обед удался.

Года два мы не виделись, хотя Пескарёв названивал и сообщал семейные

новости: купили за городом огромный дом, ремонтируют, разбили сад, посадили сто тридцать розовых кустов, родился второй сын, с работой и деньгами плохо, пришлось заняться бизнесом. Вскоре последовало и приглашение в гости на новоселье и годовщину сына. Поехали с орехами и отметили оба праздника.

После этого поэт-бизнесмен не звонил. Ещё два года спустя кто-то из общих знакомых не без злорадства доложил, что Пескарёв развёлся с женой и детьми и привёз из России новую спутницу жизни, красотку и пушкинистку.

На том бы и кончиться этой счастливой истории, если бы не вмешалась судьба.

M-me Peskarev 2 вдруг воспылала страстью к садовнику, доставшемся ей по наследству от m-me Peskarev 1, бросившей дом и розы и уехавшей на юг Франции к тётке, алкоголичке с тридцатилетним стажем. Что пушкинистка нашла в этом корявом бретонце, осталось для всех загадкой, в том числе и для него. Может, поэтому он быстро к ней охладел. А может, как убеждённый муж, отец четверых детей и патриот (их и здесь немало), втайне осуждал легкомыслие «этих русских».

Затем происходит очевидное невероятное. Разругавшись с возлюбленным, m-me Peskarev 2 в горе и бешенстве налетает на конную статую, украшающую площадь их маленького городка, и разбивается насмерть с машиной, недавно купленной в кредит.

Пескарёв впадает в нервный шок, из которого его выводит тот же незадачливый садовник. Он возвращает владельцу серебряный портсигар и рассказывает о недостойном поведении покойницы. Пескарёв вешается, но не совсем удачно, и целых полгода ходит в гипсовом воротнике вокруг дома своей бывшей семьи. Все трое его отвергают, а также тётка-алкоголичка и её приبلудная собачонка. В довершение ко всему разведённого вдовца штрафуют за неуплату налогов (и в бизнесе не преуспел).

Я знаю, что может сделать безрассудный русский человек, который только себе кажется непредсказуемым. Он либо сопьётся, либо сойдёт с ума. Скорее всего снова женится. Догадываюсь, что он скажет, когда мы, не дай бог, встретимся. Что любовь зла, что мир ужасен, что чужбина есть чужбина, а жизнь это се ля ви. Я, пожалуй, с ним соглашусь. Будет хуже, если он принесёт стихи и придётся его утешать. А ведь придётся. Потому что кто, кроме русского, способен понять русского?

2002 г.